

Владимир БОГОМОЛОВ

Срам имут и живые, и мёртвые, и Россия

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2004

Очернение с целью «изничтожения проклятого тоталитарного прошлого» Отечественной войны и десятков миллионов ее живых и мертвых участников как явление отчетливо обозначилось еще в 1992 году. Люди, пришедшие перед тем к власти, убежденные в необходимости вместе с семью десятилетиями истории Советского Союза опрокинуть в выгребную яму и величайшую в многовековой жизни России трагедию — Отечественную войну, стали открыто инициировать, спонсировать и финансировать фальсификацию событий и очернение не только сталинского режима, системы и ее руководящих функционеров, но и рядовых участников войны — солдат, сержантов и офицеров.

Тогда меня особенно впечатлили выпущенные государственным издательством «Русская книга» два «документальных» сборника, содержащие откровенные передержки, фальсификацию и прямые подлоги. В прошлом году в этом издательстве у меня выходил однотомник, я общался там с людьми, и они мне подтвердили, что выпуск обеих клеветнических книг считался «правительственным заданием», для них были выделены лучшая бумага и лучший переплетный материал, и курировал эти издания один из трех наиболее близких в то время к Б. Н. Ельцину высокопоставленных функционеров.

Еще в начале 1993 года мне стало известно, что издание в России книг перебежчика В. Б. Резуна («Суворова») также инициируется и частично спонсируется (выделение бумаги по низким ценам) «сверху». Примечательно, что решительная критика и разоблачение этих фальшивок исходили от иностранных исследователей; на Западе появились десятки статей, затем уличение В. Резуна во лжи, передержках и подлогах продолжилось и в книгах, опубликованных за рубежом, у нас же все ограничилось несколькими статьями, и когда два года назад я спросил одного полковника, доктора исторических наук, почему бы российским ученым не издать сборник материалов, опровергающих пасквильные утверждения В. Резуна, он мне сказал: «Такой книги у нас не будет. Неужели вы не понимаете, что за изданием книг Суворова стоит правящий режим, что это насаждение нужной находящимся у власти идеологии?» Как мне удалось установить, заявление этого человека соответствовало истине, и хотя проведенные экспертизы (компьютерный лингвистический анализ) засвидетельствовали, что у книг В. Резуна «разные группы авторов» и основное назначение этих изданий — переложить ответственность за гитлеровскую агрессию в июне 1941 года на Советский Союз и внедрить в сознание молодежи виновность СССР и прежде всего русских в развязывании войны, унесшей жизни двадцати семи миллионов только наших соотечественников, эти клеветнические публикации по-прежнему поддерживаются находящимися у власти в определенных политико-идеологических целях.

В предлагаемых вниманию читателей главах из моей одноименной новой книги рассматриваются роман Г. Владимова «Генерал и его армия» (журнал «Знамя», 1995, № 4 и 5) и его статья «Новое следствие, приговор старый» (там же, № 8).

О гуманном набожном Гудериане

В романе Г. Владимова из всех персонажей с наибольшей любовью и уважением, точнее, пиететом изображен немецкий генерал Гейнц Гудериан. Вот он, истинный отец-командир, «гений и душа блицкрига», ночью в заснеженной лощине, вблизи передовой, обращается с короткой речью и беседует с боготворящими его солдатами, для них он идол, и, естественно,

даже рядовые обращаются к нему на «ты» «Прикажи атаковать, Гейнц!.. Десять русских покойников я тебе обещаю!..»

Вот он, нежный любящий супруг, уже в Ясной Поляне в кабинете Льва Толстого, сидя за столом великого писателя, пишет проникновенное письмо любимой жене Маргарите, а затем читает роман «Война и мир», проявляя при этом в мыслях удивительно высокий интеллектуальный и нравственный уровень, и, растроганный, умиляется поступку «графинечки» Ростовой, приказавшей при эвакуации из Москвы «выбросить все фамильное добро и отдать подводы раненым офицерам».

А вот и совсем другая краска: смело и независимо, как с подчиненным, он говорит по телефону с командующим группой армий «Центр» генерал-фельдмаршалом фон Бокком, «прерывает дерзко вышестоящего» и, «не дослушав, кладет трубку».

Он такой, он может, он и самому фюреру, если надо, правдой-маткой по сусалам врежет, к тому же набожен и чист не только телом, но и душой, помыслы его возвышенны и даже, дописывая боевой приказ, он произносит вслух: «Да поможет мне Бог».

На двенадцати журнальных страницах воссоздан образ — замечу, самый цельный из всех в романе — мудрого, гуманного, высоконравственного человека, правда, в мыслях и самооценках не страдающего скромностью, впрочем, возможно, это сделано для большей жизненной достоверности персонажа. Неудивительно, что литературные критики из тусовочной группировки захлебывались от восторга, усмотрев в образе Гудериана одну из составляющих «нового видения войны» — мол, в Совдепии, при коммунистах, целых полвека гитлеровских генералов мазали исключительно черной краской, а они, оказывается, были славными, благородными, замечательными людьми, не менее культурными, воспитанными и милыми, чем, например, Шелленберг, Гиммлер, Борман, Мюллер, Кальтенбруннер в «Семнадцати мгновениях весны», сериале, положившем начало эстетизации нацистской формы и нацистской символики в СССР, в том числе и в России.

Возникает Гудериан и в статье Г. Владимирова «Новое следствие, приговор старый» («Знамя», 1994, № 8), причем личность этого «могущественного человека» оказывается здесь еще более многогранной. Автор высказывает сожаление, что Гудериан не встретился и не взял себе в союзники: генерала-перебежчика А. А. Власова. Оказывается, «у Гудериана была своя идея: как вывести Германию из войны: предполагалось открыть фронты американцам, англичанам и французам и все немецкие силы перебросить на Восточный фронт: Если уже была оговорена демаркационная линия, то силы коалиции, не встречая сопротивления, дошли бы до нее и остановились — давши Германии, оперативный простор для войны уже на одном лишь фронте!»

Вот как славненько было придумано, и о нас ведь не забыли! Гудериан во главе гитлеровского вермахта и генерал Власов с дивизиями РОА при невмешательстве США, Англии и Франции объединенными силами навалились бы на Россию — сколько бы еще унтерменшей, гомо советикус, этих восточных недочеловеков положили бы в землю!.. Минутку — а фюрер где же? Его куда дели? По убеждению Г. Владимирова, Гудериан должен был и мог бы сказать своему вождю: «А вы, мой фюрер, предстанете перед международным трибуналом». Вот, оказывается, где собака была зарыта — «душа и гений блицкрига», носитель «пруссских традиций» ко всему прочему был еще и антигитлеровцем, антифашистом и в Ставке фюрера находился, судя до статьи, на задании — чтобы, улучив момент, схватить шефа и водворить его на скамью подсудимых.

Кто же он был, Гейнц Гудериан, — в жизни, а не сочинительстве? Обратимся к фактам его биографии, которые остались за пределами романа и статьи Г. Владимирова.

В ночь на 21 июля 1944 года, едва оправясь от покушения, Гитлер назначает «верноподданнейшего Гейнца» начальником генерального штаба сухопутных войск (ОКХ). В приказе по случаю вступления в должность Гудериан, очевидно, в силу своих «антифашистских» убеждений, писал: «Каждый офицер генерального штаба должен быть еще и национал-соци-

алистским руководителем. И не только из-за знания тактики и стратегии, но и в силу своего отношения к политическим вопросам и активного участия в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с принципами фюрера». Спустя трое суток — 24 июля — с благословения Гудериана в немецком вермахте, в основном беспартийном, воинское отдание чести было заменено нацистским приветствием с выбрасыванием руки — «Хайль Гитлер!». Весной предшественник Гудериана Цейтцлер и другие генералы отговорили фюрера от этого нововведения.

Одновременно Гитлер в знак особого доверия назначил Гудериана вместе с генерал-фельдмаршалами Кейтелем и Рундштедтом, как наиболее преданных ему людей, членами «суда чести», учрежденного Гитлером «для изгнания негодяев из армии». Уволенные генералы и офицеры автоматически пропускались через «народный» трибунал не менее фанатичного сатрапа Фрейслера и так же автоматически приговаривались к смертной казни; как правило, она осуществлялась двумя придуманными лично фюрером способами повешения: на рояльных струнах — «для замедленного удушения» жертвы или «как на бойне» — крюком под челюсть.

В своих мемуарах Гудериан вскользь упоминает о своем участии в «суде чести», сделав оговорку о своей якобы пассивности, однако быть пассивным там было невозможно: заседания судов «чести» и «народного», так же как и сам процесс казни, снимались кинооператорами, и сюжеты эти по ночам показывались Гитлеру в его Ставке «Вольфшанце». Видевшие эту хронику немцы свидетельствуют — и Гудериан, и Рундштедт, и Кейтель со злобными лицами буквально «выпрыгивали из своих мундиров», демонстрируя под объективами кинокамер свою ненависть к противникам фюрера, хотя «судили» они в большинстве своем невиновных и непричастных к заговору людей, многих из которых Гудериан знал по четыре десятилетия и больше — еще по совместному обучению в кадетских корпусах в Карлсруэ и в Гросс-Лихтерфельде под Берлином. Всего через «суд чести» было отправлено на казнь 56 немецких генералов и свыше 700 офицеров; еще 39 генералов в преддверии «суда чести» покончили жизнь самоубийством, а 43 погибли при различных «несчастных случаях» и таким образом тоже уклонились от позорной смерти.

Будучи начальником генштаба ОКХ, Гудериан с 1 августа по 2 октября 1944 года руководил подавлением Варшавского восстания, координировал действия эсэсовских частей Бах-Зеленского и соединений 9-й армии; выполняя директивное распоряжение — «расстреливать всех поляков в Варшаве, независимо от возраста и пола. Пленных не брать. Варшаву сровнять с землей», — давал конкретные указания о нанесении бомбовых ударов по кварталам города, занятым восставшими, и деловые рекомендации, как выдавливать повстанцев из зданий — выжигать огнеметами. При подавлении восстания погибло 200 000 поляков, а Варшава была превращена в руины. Активное участие вермахта в этой чудовищной карательной акции зафиксировано и в сотнях немецких документов, в частности, в широко известном приказе командующего 9-й армией, поздравившего с победой 3.10.44 г. от себя и от имени командующего группой армий «Центр» «всех солдат сухопутных сил, войска СС, авиации, полиции и всех других, кто с оружием в руках участвовал в подавлении восстания».

В бытность начальником генштаба ОКХ Гудериан по поручению Гитлера координировал с рейхсфюрером СС Гиммлером и его штабом карательные действия не только в Польше, но и в других странах, и наверняка, если бы ему после войны это вчинили, он бы сказал: «Я это делал не по собственной инициативе, а выполняя должностные обязанности, точно так же, как этим занимались и мои предшественники генералы Гальдер и Цейтцлер, да и другие высшие чины вермахта — Кейтель, Йодль, Варлимонт».

Поскольку Г. Владимов в своей статье высказывает недоверие к советским источникам и архивам, сообщая, что все приведенные выше факты взяты исключительно из западных, «чистых» изданий (в частности, из книг: F. Schlabrendorff. *Offiziere gegen Hitler*. Zürich, 1951; P. Carell. *Unternehmen Barbarossa*. Frankfurt a/M., 1963; I. Fest. *Hitler*. Verlag Utstein. GmbH, Frankfurt a/M. — Berlin — Wien, 1973).

В своем интервью («Вечерняя Москва», 21.03.95) Г. Владимов уверяет, что, работая над образом Гудериана, он изучил «все, что написано о нем»; совершенно непонятно, почему же он не заметил, а точнее, в упор проигнорировал все изложенные выше факты и свидетельства, большая часть которых взята из книг, впервые опубликованных в Западной Германии, где проживает писатель. И советские, и немецкие документы неопровержимо подтверждают, что из всех вторгшихся на нашу территорию немецких армий самый кровавый и разбойный след в 1941 году оставили: 6-я общевойсковая генерал-фельдмаршала фон Рейхенау, а из танковых — 2-я генерала Гудериана.

Вернемся, однако, в начало декабря 1941 года, когда командный пункт Гудериана действительно находился в Ясной Поляне. Следы пребывания генерала и его подчиненных в музее-усадьбе вскоре получили мировую огласку и позднее попали в материалы Нюрнбергского процесса (документ 51/2): «В течение полутора месяцев немцы оккупировали всемирно известную Ясную Поляну. Этот православный памятник русской культуры нацистские вандалы разгромили, изгадили и, наконец, подожгли.

Могила великого писателя была осквернена оккупантами. Неповторимые реликвии, связанные с жизнью и творчеством Льва Толстого, — редчайшие рукописи, книги, картины — были либо разорваны немецкой военщиной, либо выброшены и уничтожены».

(Под «изгадили» подразумевалось устройство в помещениях музея-усадьбы конюшни для обозных лошадей, а под осквернением могилы Толстого имелось в виду сооружение там нужника солдатами полка «Великая Германия». Когда сотрудницы музея притащили немецкому офицеру дрова, чтобы он не топил печку книгами и личной мебелью писателя, он им сказал: «Дрова нам не нужны, мы сожжем все, что связано с именем вашего Толстого»).

Нет, это не «большевистская агитка» — на советской территории вандализм гитлеровцев впервые засветился именно в Ясной Поляне, они там так чудовищно наследили, что на другой день после освобождения туда привезли иностранных журналистов, приехали кинооператоры и фотокорреспонденты — их снимки появились в газетах многих стран мира. О личном «гуманизме» Гудериана той морозной зимой впечатляюще свидетельствуют такие, к примеру, пункты из приказа, доводимого за его подписью частям 2-й танковой армии в ночь на 22 декабря:

«5. У военнопленных и местных жителей беспощадно отбирать зимнюю одежду.

6. Все оставляемые населенные пункты сжигать».

О личном «гуманизме» Гудериана свидетельствует и его приказ «Пленных не брать!», которому немцами впоследствии давалось такое прагматическое «оправдание» танкисты «железного Гейнца» рвались вперед, они делали иногда по 60-80 километров в сутки, и у них не было ни времени, ни людей для того, чтобы собирать и охранять пленных.

В листовке, распространяемой в те месяцы ротами пропаганды 24-го, 46-го и 47-го танковых корпусов группы Гудериана, геббельсовской листовки, получившей известность по набранному крупным шрифтом лозунгу «Бей жида-политрука, рожа просит кирпича!», общалось: «Все командиры и бойцы Красной Армии, которые перейдут к нам, будут хорошо приняты и по окончании войны отпущены на родину»; однако, когда советские военнослужащие попадали в плен к танкистам Гудериана, их расстреливали. И об этом самом карателе и палаче Г. Владимов в своей статье умиленно пишет: «как христианин он не мог поднять руку на безоружного» (?!).

Должен огорчить литературных критиков, пришедших в восторг от «авторских находок» и «замечательной психологической точности» в изображении беседы Гудериана со старым царским генералом в Орле и его телефонного разговора с фон Боком, — оба эти эпизода, как, впрочем, и овраг, куда съехал командирский танк генерала, и «незамерзающий глизиантин», и многие другие детали — все это заимствовано из мемуаров самого Гудериана («Воспоминания солдата». М., 1954, стр. 239, 248 и др.). А вот чтения «Войны и мира» в мемуарах при всем старании обнаружить не удастся — это придумано Владимовым для утепления и гума-

низации, для еще большей апологетики гитлеровского генерала. Кстати, фамилия Толстого упоминается в пятисотстраничных воспоминаниях мимоходом только в одной фразе: «Свой передовой командный пункт мы организовали в Ясной Поляне, бывшем поместье графа Толстого» (стр. 245), — в реальной жизни, а не в сочинительстве носитель прусских традиций и нацистских убеждений даже не заметил, что Лев Николаевич был не только графом, но и великим русским писателем.

Германия, как и Россия, — страна идолопоклонников, и Гудериан для немцев, быть может, лучшая кандидатура в национальные божки — в отличие от большинства главных гитлеровских военных преступников он избежал суда. В конце войны, переехав тайком из Германии в Австрию, он сдался американцам. По их просьбе или заданию, находясь три года в заключении в Нюрнбергской тюрьме и в лагере, он написал несколько разработок, обобщающих опыт действий танковых соединений во Второй мировой войне и прежде всего в России, ему были созданы особые условия и доставлялись все потребные документы.

Несмотря на то, что не только Советским Союзом, но и Польшей, и Францией были переданы целые тома юридических доказательств военных преступлений Гудериана, он, как и обещали ему американцы, в июне 1948 года был освобожден — 17 числа этого месяца ему исполнилось 60 лет, другим мотивом была тяжелая болезнь сердца, что тоже соответствовало действительности. Однако главным явились политические соображения: был самый разгар «холодной войны», и западные союзники начали сокращать тюремные сроки немецким военным преступникам, а некоторых просто выпускать на свободу.

Гудериан прожил после войны девять лет, но ни в своих воспоминаниях, ни в статьях, ни в своих выступлениях в высших военных учебных заведениях США, куда его неоднократно приглашали, он ни разу ни словом не осудил захватнические цели агрессивных войн Гитлера, в которых активно участвовал. Он лишь сожалел о том, что время для их осуществления не всегда выбиралось точно, так, например, если бы не события в Югославии, на Советский Союз следовало бы напасть не 22 июня, а 15 мая 1941 года, как первоначально планировалось, — тогда блицкриг был бы успешно завершен до осенней распутицы и не бывало морозной зимы.

Согласно планам германского командования Москва должна была пасть в середине августа 1941 года, а в сентябре немцы собирались достичь Урала. И еще спустя годы Гудериан сетовал на некомпетентное вмешательство фюрера — если бы не Гитлер, то с Советским Союзом было бы покончено через 3-4 месяца после начала войны.

Агрессивные человеконенавистнические идеи Гитлера об установлении мирового господства и порабощения других народов являлись для Г. Гудериана, как для представителя старого прусского генералитета, близкими и желанными. Об этом ясно сказал на Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал К. Рундштедт:

«Национал-социалистские идеи были идеями, заимствованными от старых прусских времен, и были давно нам известны и без национал-социалистов». Используя немецкое определение Гудериана как «гения и души блицкрига» и всячески апологетируя генерала, Г. Владимов старательно умалчивает, что целью этого самого блицкрига было завоевание жизненного пространства на Востоке — присоединение к Германии российской территории как минимум до Урала, захват Белоруссии, Украины и Кавказа, включая бакинские нефтяные промыслы, и превращение на завоеванной территории десятков миллионов населения в дешевую рабочую силу.

«Освободитель России» генерал А. А. Власов

В своей статье Г. Владимов высказывает сожаление, что пользующиеся его явными симпатиями генералы Гудериан и Власов не встретились и не объединились для того, чтобы при невмешательстве западных союзников вместе ударить по России.

При этом писатель не замечает или игнорирует истинное — жалкое и унижительное — положение перешедшего к противнику Власова, игнорирует недоверие и неуважение к нему со стороны немцев. С самого начала и до конца генерала-перебежчика курировали спецслужбы и СС, в частности, к нему были приставлены младшие офицеры германской разведки: В. фон Штрик-Штрикфельд и С. Фрелих, оба из прибалтийских немцев и оба — впоследствии — авторы книг о Власове; последний после двух с половиной лет общения характеризовал своего подопечного следующей фразой: «Власов получил такое воспитание, что его второй натурой стала постоянная мимикрия: думать одно, говорить другое, а делать что-то третье».

Возглавлявший «восточные добровольческие формирования» генерал Кёстринг, бывший военный атташе Германии в России, настоятельно предостерегал в 1941 году Гитлера от недооценки военного потенциала Советского Союза и от нападения на нашу страну, человек, считавшийся в абвере лучшим аналитиком и специалистом по России, осенью 1942 года, по указанию Кейтеля и адмирала Канариса, встречался с Власовым и после трехчасовой беседы с ним заявил: «Это весьма неприятный, лицемерно-лживый, неприемлемый для нас человек. Любое сотрудничество с ним представляется бессмысленным». В официальном заключении Кёстринг указал: «И даже если нам когда-нибудь пришлось бы хвататься за какую-то фигуру из русских в качестве лидера, мы нашли бы другого».

Человек дела и твердых убеждений, Кёстринг категорически отказался в дальнейшем от встреч и разговоров с Власовым, и, возможно, его заключение во многом определило отношение вермахта и самого фюрера к перебежчику.

Генерал-фельдмаршал Кейтель на допросе по делу Власова и РОА показал:

«Гиммлеру удалось получить разрешение фюрера на создание русской армии, но Гитлер и тогда решительно отказался принять Власова. Покровительство Власову оказывали только Гиммлер и СС».

Достойная компания!.. «Освободитель» России, курируемый эсэсовцами!..

Г. Владимов пишет, что для Власова «высшим достижением явилась встреча с рейхсфюрером СС Гиммлером». Не знаю, как могли быть «достижением», да еще «высшим», встречи и разговоры с человеком, под руководством которого в лагерях военнопленных и концлагерях было уничтожено свыше десяти миллионов человек, но у Г. Владимова, очевидно, иные критерии. Гиммлер вспоминал о Власове и впервые встретился с ним спустя 26 месяцев после его перехода к немцам, в начале сентября 1944 года, когда Германия оказалась на пороге поражения. Позже он не раз предлагал фюреру принять Власова, на что Гитлер однозначно отвечал: «Он предал Сталина, предаст и нас!», «Этот прохвост предал Сталина, он предаст и меня!» Об унижительном отношении к Власову говорит и такая деталь: в документах немецкого командования, в том числе и поступавших к Власову, его воинство до ноября 1944 года называлось «туземными частями».

Г. Владимову, замороженному своими нескрываемыми симпатиями и привязанностями к Гудериану и Власову, будто и невдомек, что об альянсе между ними не могло быть и речи. Для воспитанника двух кадетских корпусов, истинного носителя прусских традиций и тевтонского духа, потомственного военного, в течение сорока трех лет с гордостью носившего кадетский, офицерский, а затем и генеральский мундиры, Власов был всего лишь преступившим присягу перебежчиком, клятвопреступником, и по одному тому «гений и душа блицкрига» с ним не только встречаться и разговаривать бы не стал, он бы с ним, извините, в один штабной туалет никогда бы не зашел, а в полевых условиях — на одном километре бы не присел.

Трагедия 2-й ударной армии, которой с 16 апреля 1942 года в течение двух с половиной месяцев командовал генерал Власов, — одна из многих массовых трагедий Отечественной войны. Насчитывавшая более 30 тысяч человек, окруженная в весеннюю распутицу в лесах и болотах вдвое превосходившими силами противника, испытывая катастрофическую нехватку боеприпасов и продуктов, не имея при этом достаточного авиационного прикрытия, армия

держалась и вела ожесточенные бои. О мужестве, выносливости и стойкости этих людей свидетельствует хотя бы такое обстоятельство: в течение нескольких недель продовольственный паек в частях состоял из 100, а затем и 50 граммов сухарей в сутки с добавлением молодой листвы и березового сока и — когда гибли лошади — крохотных кусочков конины.

В военных архивах я отыскал и внимательно изучил 89 объяснений, рапортов и показаний бойцов и командиров — от рядовых роты охраны и штабных шоферов до полковников и генералов. Из анализа всех материалов становится несомненным, что последнюю, роковую для него неделю Власов находился в состоянии полной прострации. Причиной этого, полагаю, явилось то, что, когда на Военном совете армии было оглашено предложение немцев окруженным частям капитулировать, Власов тотчас сослался на недомогание и, предложив: «Решайте без меня!» — ушел и не показывался до утра следующего дня. Военный совет отклонил капитуляцию без обсуждения, а Власов вскоре наверняка осознал, что этими тремя словами он не просто сломал себе карьеру, но фактически подписал смертный приговор.

Задействованная у нас в отношении Власова формулировка — «добровольно сдался в плен к немцам» — является неточной.

Вместе со своей поварихой и сожительницей Марией Вороновой Власов более двух недель прятался в лесах, сторожках, банях и сараях глухих деревушек Оредежского района Ленинградской области. (В своей листовке, имевшей подзаголовок «Открытое письмо» и выделенную жирным шрифтом фразу «Меня ничем не обидела советская власть», Власов писал: «Я пробился сквозь окружение в лес и около месяца скрывался в лесу и болотах».)

Что он думал, чувствовал и решал в эти недели?..

Когда я муссировал компетенцию по этому короткому периоду жизни генерала — 17 суток, — мне не раз приходило в голову, что у него было то же самое состояние и пронзительное нереальное желание, какое многожды, пусть скоротечно, посещало на войне и меня — в бытность рядовым, командиром отделения, помкомвзвода и, наконец, взводным — в трудные экстремальные минуты, в частности, во время бомбежек и артиллерийских обстрелов, когда разрывы ложатся рядом и ты стремишься вжаться в подбрустверную нишу, а за неимением ее — врати в дно окопа, и мысль одна: «Мамочка, дорогая, роди меня обратно!»

На что мог надеяться Власов, обладавший незаурядной внешностью и ростом 196 сантиметров, к тому же знавший, что его ищут и наши, чтобы уберечь от пленения, и немцы, контролировавшие радиоэфир?.. Он прятался от немцев, даже находясь на захваченной ими территории, пока 12 июля в староверческой деревушке Туховежи в момент обмена ручных часов на продукты у местной жительницы его и Воронову не заметил и не задержал деревенский староста, доложивший об этом оказавшемуся там случайно немецкому офицеру. Все факты и документы говорят, что Власов, если бы хотел, мог перейти на сторону немцев на две недели раньше, все имеющиеся материалы свидетельствуют, что по крайней мере эти две недели Власов прятался и скрывался как от своих, так и от немцев, ставших для него своими лишь после пленения.

Власов был человек природного ума, достаточно компетентный в военных вопросах, честолюбивый и потому карьерный, льстивый с вышестоящими и безразличный к подчиненным. Его миновали чудовищные чистки второй половины 30-х годов, когда в Советском Союзе было репрессировано и уничтожено около 40 000 командиров армии и флота. До конца июня 42-го года он пользовался доверием у Сталина, рос в званиях и должностях и, не скрывая, радовался этому. Он гордился, что лицо у него в рябинах, как у Сталина, разговаривал с ним по телефону «ВЧ» в присутствии генералов и штабных офицеров, вытягивался по стойке «мирно» и усиливал природное оканье, убежденный, что вождю это нравится. 12 лет он состоял в партии, во всех анкетах подчеркивал свое батрацкое происхождение, и пока судьба и карьера складывались благополучно — и советская система, и большевизм его вполне устраивали.

В конце июня 42-го года волею судеб он попал под колесо истории и оказался жертвой основного на войне инстинкта — самосохранения. Он скрывался в лесах и деревушках, пони-

мая, что у своих пощады не будет, у немцев же ему уготована жалкая участь заключенного в лагере для военнопленных, а третьего не дано.

Однако третье, совсем неожиданное, возникло и показалось тщеславному генералу значительным и достойным.

Образ «освободителя России» и борца против «клики Сталина» за «Новую Россию без большевиков и капиталистов», как писал Власов в своих листовках, был ему придуман спустя месяц после пленения, уже в августе, немецкими спецслужбами и Отделом пропаганды вермахта по консультации с бывшим советником германского посольства в Москве Г. Хильгером, и Власов с радостью принял и стал исполнять эту роль.

С такой же готовностью захваченный 12 мая 1945 года в районе Брежи (Чехословакия) советскими военнослужащими и доставленный в штаб 25-го танкового корпуса Власов тотчас составил и подписал приказ по РОА, в котором говорилось: «Всеим моим солдатам и офицерам, которые верят в меня, ПРИКАЗЫВАЮ немедленно переходить на сторону Красной Армии». Невольно вспоминается утверждение пробывшего более двух лет рядом с генералом-перебежчиком немецкого офицера С. Фрѐлиха о том, что «второй натурой» Власова была «постоянная мимикрия».

Уже не первое десятилетие, отбросив идеологическую фразеологию, пытаюсь осмыслить и понять поведение и действия генерала Власова в июне-августе 42-го года, стараюсь с позиций общечеловеческой объективности найти хоть какие-то, даже не оправдательные, а всего лишь смягчающие обстоятельства его поступков, но не получается:

На должностях командующих общевойсковыми армиями в Отечественную войну побывали 183 человека, 22 из них погибли, несколько попали в плен, но, кроме Власова, ни один не перешел на службу к немцам.

16 общевойсковых армий попадали в окружение, при этом несколько командующих погибли, трое в последнюю минуту покончили жизнь самоубийством, но ни один не оставил в беде своих подчиненных, а Власов бросил — около 10 000 истощенных, опухших от голода бойцов и командиров 2-й ударной армии с боями прорвались из окружения, однако более 20 000 человек погибли и пропали без вести.

Доставленный после задержания на станцию Сиверская к командующему 18-й немецкой армией генерал-полковнику Линдемону Власов в течение нескольких часов через переводчика излагал все, что он знал о 2-й ударной армии, Волховском и Ленинградском фронтах, сообщал сведения, способствовавшие борьбе с его соотечественниками, в том числе и бывшими его подчиненными. Своей лестью, угодничеством и «жаждой предательства» Власов Линдемону, так же как позднее и генералу Кѣстрингу, активно не понравился, вызвал недоверие и, почувствовав это, написал известный реферат — на 12 машинописных страницах изложил свои рекомендации, конкретные советы германскому командованию, как успешнее бороться с той самой Красной Армией, в которой он прослужил 24 года.

Этим общеизвестным действиям Власова нет и не может быть оправдания. В истории России и Отечественной войны Власов был и остается не идейным перебежчиком и не борцом с «кликкой Сталина», а преступившим присягу, уклонившимся в трудную минуту от управления войсками военачальником, бросившим в беде и тем самым предавшим более 30 000 своих подчиненных, большинство из которых заплатили за это жизнями. В некоторых сенсационных публикациях последнего времени РОА стараются выдать за массовое движение, называя поистине фантастические цифры: миллион и даже полтора миллиона военнослужащих; между тем общая численность власовского воинства, включая авиацию и подразделения охраны, как однозначно свидетельствуют немецкие документы, максимально составляла всего лишь около 50 000 человек, из них 37 000 были русские. Полностью же укомплектована и вооружена была только одна дивизия — 600-я пехотная полковника, позднее генерал-майора Буняченко, то есть армию как таковую создать, по сути, не успели.

Попытки спустя полвека после войны реабилитировать и, более того, восславить генерала Власова и выдавать его за «освободителя России» или «спасителя Москвы» столь же

нелепы и смехотворны, как и само название РОА — Русская Освободительная Армия. Текст присяги РОА утверждал министр по делам Восточных территорий А. Розенберг, при этом обнаружилось, что в солдатские книжки власовцев по недосмотру попало словосочетание «свободное отечество».

Поскольку военнослужащие РОА давали присягу на верность не только Власову, но и в первую очередь Адольфу Гитлеру, случился скандал, после чего все документы, содержащие эти слова, были тотчас изъяты и уничтожены, а Власову письменно строго указали, что «ни о каком свободном отечестве для русских и украинцев не может быть и речи». Удостоверения личности не только рядовых, но и офицеров, и генералов, и самого Власова были напечатаны и заполнены по-немецки, что вызывало у власовцев недовольство. Как же курируемые СС и спецслужбами находившиеся на содержании у немцев, не имевшие никакой самостоятельности и права голоса Власов и РОА могли быть освободителями, если целью Германии в войне были захват, порабощение и эксплуатация природных богатств, населения, промышленности и сельскохозяйственных угодий Советского Союза, а отнюдь не мифическое «освобождение»?

За прошедшие после войны годы на Западе только на русском языке опубликовано свыше тридцати книг о Власове и РОА, в большинстве своем содержащих элементы мифологии и — ни малейшего пятнышка на генеральском мундире. Ни в одном из этих изданий нет упоминания о том, что генерал-перебежчик 24 июня 1942 года бросил на произвол судьбы 30 тысяч своих подчиненных, находившихся в окружении без продовольствия и боеприпасов. Ни в одной из этих книг не сообщается, что Верховный Главнокомандующий Русской Освободительной Армии давал присягу на верность не России или русскому народу, а Гитлеру и германскому рейху, и нигде не приводятся достаточно известные слова из показаний генерал-фельдмаршала Кейтеля — утверждение, по сути, определяющее назначение и функции РОА в гитлеровской Германии: «Покровительство Власову оказывали только Гиммлер и СС».

Генерал и его армия

По сравнению с Гудерианом советские военачальники изображены Г. Владимовым по методу контраста: «Чем ночь темней, тем ярче звезды!»

В главе «Даешь Предславль!» они показаны на двадцати пяти журнальных страницах — Г. К. Жуков, командующий фронтом Н. Ф. Ватутин, Н. С. Хрущев и шесть командующих армиями — они совещаются в поселке Спасо-Песковцы и производят поистине удручающее впечатление скорее не военачальников, а колхозных бригадиров или провинциальных массовиков-затейников. Если Гудериан в романе демонстрирует наряду с набожностью и благородством высокий интеллектуальный уровень, то здесь интересы и темы совсем другие: рассказ о том, как личный повар «выучился готовить гуся с яблоками», сменяется анекдотом о том, как «чекисты с гепеу» требуют у Рабиновича на строительство социализма припрятанные Сарочкой деньги. Генералы радуются привезенным Хрущевым подаркам — «по бутылке армянского коньяка», «шоколадному набору», «календарю с картинками» и «главной в составе подарка» «рубашке без ворота, вышитой украинским орнаментом» («Гости хрустели пакетами, прикладывали рубахи к груди, Жуков тоже приложил»).

Прочитав двадцать пять страниц такого изображения, осознаешь, что если Гудериан в представлении Г. Владимова читал «Войну и мир» и более того, мог сопереживать и умиляться поступку «графинечки» Ростовской, то большинство советских военачальников — как они показаны в романе — и чеховскую «Каштанку» не одолели бы, да и читать бы не стали — дворняжка и все, какой тут разговор?

Также немецкий и советские генералы удивительно разнятся по внешности. Вот как изображен в романе германский командующий «крепкое лицо еще младожавого озорника, лукавое, но неизменно приветливое».

А вот как выглядят лики советских военачальников: «худенькая обезьянка с обиженным-недовольным лицом», «смотрел исподлобья: побелевшими от злости глазами», «прогнав

жесткую, волчью свою ухмылку», «цепким, хищным глазохватом», «чудовищный подбородок, занимавший едва не треть лица» и т. п.

Прочитав внимательно роман, с горечью убеждаешься, что автор смотрит на своих бывших соотечественников — не только генералов — «побелевшими от злости глазами». Это читательское восприятие, сам же писатель в одном из многочисленных интервью о своем методе говорит: «Это все тот же добрый старый реализм, говоря по-научному — изображение жизни в форме самой жизни».

Впрочем, есть один русский генерал, которого Г. Владимов изображает с такой же любовью и пиететом, как и Гудериана:

«Он резко выделялся среди них: в особенности своим замечательным мужским лицом: Прекрасна, мужественно-аскетична была впалость щек: поражали высокий лоб и сумрачно-строгий взгляд: лицо было трудное, отчасти страдальческое, но производившее впечатление сильного ума и воли: Человеку с таким лицом можно было довериться безоглядно».

В реальной жизни в лице этого человека прежде всего отмечались рябинки, но писатель рисует икону, и по выраженной тенденции автора романа читатель, возможно, уже догадался, что речь идет о генерале А. А. Власове.

3 или 4 декабря 1941 года (перед «днем конституции») он якобы находился в ограде церкви Андрея Стратилата, в полутора километрах от Лобни, и единственный во всем Западном фронте владел ситуацией и, хотя вся Красная Армия отступала, он, конечно же: («Двадцатая армия наступает, власовцы!»).

Но главная его слава впереди — как пишет Владимов: «будет его армия гнать вперед немцев: от малой деревеньки Белый Раст на Солнечногорск — побудив и приведя в движение все пять соседних армий Западного фронта: он навсегда вошел в историю спасителем русской столицы».

Здесь уже, мягко выражаясь, чистое сочинительство. Назначенный командующим 20-й армией 30 ноября 1941 года Власов с конца этого месяца и до 21 декабря болел тяжелейшим гнойным воспалением среднего уха, от которого чуть не умер и позднее страдал упадком слуха, а в первой половине декабря — вестибулярными нарушениями. Болезнь Власова и его отсутствие в течение трех недель на командном пункте, в штабе и войсках зафиксированы в переговорах начальника Генерального штаба маршала Б. М. Шапошникова и начальника штаба фронта генерала В. Д. Соколовского с начальником штаба 20-й армии Л. М. Сандаловым; отсутствие Власова зафиксировано в десятках боевых приказов и других документов, вплоть до 21 декабря подписываемых «за» командующего Л. М. Сандаловым и начальником оперативного отдела штаба армии комбригом Б. С. Антроповым.

Поскольку отсутствие Власова, как предположили, будет замечено немецкой разведкой, 16 декабря, по указанию свыше, было организовано его интервью якобы в штабе — Власов находился в армейском госпитале — с американским журналистом Л. Лесюером. Впервые на командном пункте армии Власов появился — всего на час — в полдень 19 декабря в селе Чисмены. Он плохо слышал, все время переспрашивал и был крайне расстроен, когда ему доложили, что «командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии» и что «генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах».

Замечу, что 20-я армия под Москвой по силам была слабее по крайней мере четырех других армий и, может быть, потому вызывала у Ставки и командования фронтом нарекания. Утверждение писателя о том, что она привела «в движение все пять соседних армий Западного фронта!», не соответствует действительности, и в сообщении о том, что «гремели имена Жукова, Власова, Рокоссовского, Говорова, Лелюшенко», имя Власова вставлено Г. Владимовым для апологетики, самовольно и необоснованно: в сообщениях Совинформбюро в декабре 1941 года как «наиболее отличившиеся» в боях под Москвой армия К. К. Рокоссовского упоминалась четырежды, Д. Д. Лелюшенко — трижды, И. В. Болдина — дважды,

Л. А. Говорова — один раз, армия же А. А. Власова, так же как и армии Ф. И. Голикова и В. И. Кузнецова, не упоминались ни разу. И награждены за бои под Москвой они были соответственно: Рокоссовский, Лелюшенко, Болдин и Говоров — орденами Ленина, а Власов, Голиков и Кузнецов — по второму разряду, орденами Красного Знамени.

В листовке за подписью Власова от 10 сентября 1942 года о его участии в боях под Москвой говорилось более чем сдержанно, пусковым документом для создания мифа о «спасителе Москвы» явилась спустя шесть месяцев, в марте 1943 года, пространная листовка, так называемое «Открытое письмо», где без ложной скромности уже сообщалось: «20-я армия остановила наступление на Москву. Она прорвала фронт германской армии: обеспечила переход в наступление по всему Московскому участку фронта». Эти самовосхваления явились основой для создания мифа о «спасителе Москвы», впоследствии раздуваемого в книгах бывших власовцев, энтеэсовцев и теперь в романе Г. Владимова.

Трудно понять, почему в романе Г. Владимова Тула именуется Тулой, Орел — Орлом, Москва — Москвой, а, например, Киев — Предславлем?.. Зато по прочтении становится ясно, с какой целью командующие армиями выведены под весьма прозрачными псевдонимами — генерал П. С. Рыбалко именуется Рыбко, генерал И.Д. Черняховский — Чарновским и т. д. — и при этом они снабжены многими подлинными биографическими данными своих прототипов, вошедших в историю Отечественной войны. Как ни печально, сделано это автором, чтобы безнаказанно опустить, примитивизировать или мазнуть подозрением достаточно известных людей. Я не буду здесь обелять выведенного в романе сверхмерзавцем, истинным монстром прототипа генерала Терещенко — он был не таким, но чтобы опровергнуть все, что на него навесил автор, не хватит и газетного листа, однако об одном командующем должен сказать.

В конце войны и в послевоенном офицерстве, в землянках, блиндажах, палатках и офицерских общежитиях, где после Победы — в Германии, в Маньчжурии, на Чукотке, на Украине и снова в Германии — я провел шесть лет своей жизни, очень много говорилось о войне. Каждый офицер в связи с ранением или по другой причине побывал на фронте под началом многих командиров и командующих, мы могли их сравнивать, и разговоры в застолье и на сухую были откровенными, поскольку эти люди нами уже не командовали и находились далеко. В разговорах этих с неизменным уважением и теплом нередко возникало имя генерала Ивана Даниловича Черняховского, в неполные 38 лет назначенного командующим фронтом и спустя десять месяцев погибшего в Восточной Пруссии, причем рассказывалось единодушно о его не только отличных командирских, но и удивительных человеческих качествах.

В 1943 году моим батальонным командиром был офицер, который, как тогда говорилось, «делал Отечку» с первых суток от границы в Прибалтике под началом командира 28-й танковой дивизии полковника Черняховского. С его слов мне на всю жизнь запомнилось, что даже в эти страшные для нашей армии недели, в сумятице отступления, под огнем и постоянным авиационным воздействием противника Черняховский запрещал оставлять раненых и перед отходом с очередной позиции требовал погребения погибших, чтобы оградить трупы от возможного надругательства. Тот, кто был на войне и попадал под отступление, не может этого не оценить.

Генерал погиб под Мельзаком: ехал на командный пункт командира корпуса, сзади машины разорвался снаряд, осколок вошел в левую лопатку — ранение оказалось смертельным.

Г. Владимов, изложив обстоятельства гибели, не может удержаться, чтобы не добавить пачкающую подозрением фразу: «Наверно, вторую бы жизнь отдал Чарновский, чтобы рана была в грудь».

Почему он «вторую бы жизнь отдал»?

Он что, пытался перейти к немцам или бежал с поля боя?.. А если во время атаки сзади солдата разрывается мина или снаряд, что, смерть от осколка, попавшего в спину, позорнее, чем от осколка, попавшего в грудь?.. Писатель не видит и не понимает войну, однако это еще

недостаточное основание, чтобы мазать подозрением погибшего на войне и уже униженного перезахоронением из Вильнюса генерала, сочетавшего талант полководца с замечательными человеческими качествами. Встречаешь эту подлянку, кинутую походя в могилу достойнейшему человеку, и ошарашенно удивляешься: «Зачем?!», а главное — «За что?!»

Г. К. Жуков в романе спрашивает генерала Кобрисова, откуда он его помнит, где еще до войны видел, и выясняется, что в 1939 году на Халхин-Голе Жуков приказал Кобрисова расстрелять.

Насколько мне известно, расстрелы в боевой обстановке по приказанию, так называемые «внесудебные расправы» возникли только в 1941 году, но я не изучал досконально события на Халхин-Голе и потому не считаю себя компетентным высказываться по этому вопросу. Я не склонен идеализировать Жукова, однако ни маразматиком, ни постинсультником он в войну не был. Автор упустил, что в этом же романе в 1941 году Кобрисов как командующий армией являлся непосредственным подчиненным командующего фронтом Жукова, они не могли не общаться, и то, что этот вопрос впервые возникает у маршала только при случайной встрече в 1943 году, свидетельствует, что имели место перебои мышления или выпадение памяти то ли у Жукова во время боев под Москвой, то ли у Г. Владимова при написании романа.

Подобных ляпов и несуразностей в произведении не мало — я отметил более сорока — и об этом необходимо сказать потому, что в десятке рецензий о них не упомянуто и словом, наоборот, писалось о «толстовском реализме» Г. Владимова, о «толстовской точности изображения», и сам писатель в своих интервью настоятельно декларирует свою приверженность к реализму и точности и тихо, скромно, по-семейному подверстывает себя к Толстому, хотя Лев Николаевич по поводу ляпов, несуразностей и даже неточностей говорил (цитирую по памяти): «Когда я нахожу такую штуку у писателя, я закрываю книгу и больше ее не читаю».

Никто из критиков не заметил, что в романе, названном «Генерал и его армия», фактически нет армии, объектом изображения писателя оказалась не армия, которой командует Кобрисов, а обслуга генерала: его ординарец Шестериков (очевидно, от глагола «шестерить»), определенный одним из писателей «гибридом Савельича из «Капитанской дочки» и Шухова из «Одного дня Ивана Денисовича»», водитель Сиротин и адъютант майор Донской. Эти люди на десятках журнальных страниц шантажируются, провоцируются и терроризируются всемогущим смершевцем майором Светлооковым; в его энергичную всепроникающую деятельность по контролю за руководством боевыми действиями участвующей в стратегической операции армии и за самим командующим вовлечены также «будущая Мата Хари», штабная давалка, телефонистка Зочка и «старшая машинистка трибунала» Калмыкова.

За генералом Кобрисовым действительно требуется глаз да глаз. О его «дури» говорит и он сам, и окружающие, включая собственного ординарца; маршал при встрече с ним отмахивается, «как машут на дурачка». Его поведение и поступки то и дело озадачивают, и невозможно понять, как этот персонаж — героем его никак не назовешь — уже два года командует на войне десятками тысяч человек.

Вызванный в Ставку из-под Киева, он, доехав до пригорода Москвы и, очевидно, уже забыв о столь ответственнейшем вызове, вдруг решает вернуться в свою армию, но, должно быть, запмятовав, где она находится, приказывает ехать в Можайск.

В декабре 1941 года во время боев под Москвой ему звонит полковник Свиридов из якобы захваченной деревушки Большие Перемерки и приглашает прийти — за шесть километров! — выпить коньяку. При сообщении о коньяке, как пишет Г. Владимов: «Генерал сразу повеселел». Поначалу он для видимости отказывается, но повод есть («День конституции подступает») и выпить так хочется, что, несмотря на предупреждение Свиридова, что на фланге справа от Перемерок нет никакой обороны, «чистое поле», точнее — немцы, генерал с первым встречным бойцом, незнакомым ему до того Шестериковым, на ночь глядя отправляется в неизвестность. Об алкогольной зависимости главного персонажа сообщается деликатно:

«генерал шага не убавлял, что-то его грело изнутри и двигало вперед». В результате вместо коньяка — «Восемь автоматных пуль, вошедших в просторный живот генерала, прошли навывлет».

Чтобы человек остался живым, получив восемь пуль автоматной очереди в живот, — случай в военной медицине небывалый, впрочем, небывалицам в этом «реалистическом» романе не перестаешь удивляться. Небывальщиной является и то, что Кобрисов, прослуживший более четверти века в армии, имеющий не одно военное образование, а главное — делающий третью войну! — будучи предупрежден, что нет линии фронта и впереди «чистое поле» и там немцы, тем не менее отправился в темноту, навстречу если и не гибели, то тяжелейшему ранению.

Явным вымыслом является и то, что командующий армией под «студеным ветром» — в тридцатипятиградусный мороз! — прется за шесть километров в темноте, по снегу, чтобы выпить коньячку.

Не зная войны, автор не представляет себе положение персонажа: если в 1942 году мне, сержанту, отдававшему Богу душу и потому спущенному в подвал, в госпитальный, на три койки предсмертник, дважды в сутки вливали в глотку по 30-40 граммов коньяку, то генерал-лейтенанту, командующему армией — скажи он слово! — тотчас ящик отборного коньяка в зубах бы приташили! (Ко всему прочему, тут полное непонимание психологии и менталитета советских командиров и военачальников: в подобных ситуациях они никогда не спускались «вниз»; чего бы это ни касалось — алкоголя, трофейной автомашины или чего еще, команда подавалась: «Ко мне!»). В памяти моей сохранились десятки таких приказаний, в том числе и весьма необычных, вроде слышанного неоднократно, громогласного: «Олю!!! С подушкой!!! Ко мне!!!»

В другом эпизоде изображается, как Кобрисову приносят на подпись «армейскую газетку» и он «генеральским красно-синим карандашом» выполняет работу цензора.

Вообще-то осуществление политического и цензурного контроля за армейской многотиражкой было функцией инструктора или инспектора политотдела — старшего лейтенанта, капитана или, максимум, майора — однако прослужившему более четверти века в армии генерал-лейтенанту, в силу его демонстрируемой в каждой главе постоянной неполноценности, очевидно, это, невдомек, и потому он безропотно выполняет за других надзорно-фискальную работу.

Несомненной вершиной морального унижения Кобрисова и других генералов были заседания Военного Совета армии, куда систематически являлся всемогущий майор Светлооков («приходил, когда хотел, и, когда хотел, уходил»). Контролируя боевую деятельность армии, он задавал членам Военного Совета различные вопросы, они послушно отвечали, и, заканчивая заседания, Кобрисов осведомлялся: «У товарища Светлоокова нет вопросов?»

Кто же он, всесильный майор Светлооков? Как утверждает Г. Владимов, — «вчерашний лейтенант», «бывший командир батареи», по воле автора — за два месяца — ставший майором (?!). Попал в органы, и нет для него уже ни законов, ни уставов, ни каких-либо ограничений. Имея звание майора, он в расположении штаба армии, где его все знают в лицо, носит то майорские, то лейтенантские, то капитанские погоны — какие хочет, такие и надевает! — за чем он это делает, понять невозможно, да и автор этого, судя по всему, не знает и, главное, не понимает, сколь это нелепо и абсурдно. Светлооков порочит и поносит командующего армией в разговорах с его подчиненными, настраивает их против генерала (на его языке это называется «посплетничать»), они же воспринимают все как должное и безропотно молчат.

Это в сочинительстве, а вот как это было в жизни. Там же, на Украине, во время наступления во второй половине ноября 1943 года, шофера командира нашего полка подполковника Р-на вызвал на беседу офицер контрразведки капитан Л-ов; о чем он расспрашивал водителя, не знаю, но сержант доложил о разговоре подполковнику. Тот пригласил на командный пункт Л-ва и в присутствии нескольких офицеров предложил ему написать рапорт своему начальс-

тву о переводе в другую часть. Как рассказал нам помощник начальника штаба полка по разведке, якобы Л-ов ответил: «И не подумаю!» — повернулся и ушел. Через три дня он исчез из полка, а прибывший на его место офицер контрразведки, тоже капитан, приветствовал командира полка за десять метров и, подойдя, говорил: «Товарищ подполковник, разрешите обратиться».

Это на уровне полка, а как было выше?.. В Польше в конце 1944 года я впервые услышал о конфликте с контрразведкой командующего общевойсковой армией генерала Г-ва, о конфликте, в который будто бы вмешался Сталин. В 1948 году начальником штаба гвардейского механизированного полка, где я служил, был полковник К-ин, в войну порученец генерала Г-ва, и он подробно рассказывал нам, офицерам, об этом конфликте, — спустя тридцать лет в военных архивах я отыскал документы, подтверждавшие его рассказ.

Генерал Г-в в первую военную зиму был завален в блиндаже, отчего страдал болями в позвоночнике, и в штаб из армейского госпиталя перед обедом привозили медсестру: она делала Г-ву массаж спины. Офицер контрразведки, капитан, в госпитальном застолье по случаю какого-то праздника, будучи поддатым, подсел к этой немолодой женщине, матери двух воевавших на фронте сыновей, и, задав несколько вопросов, затем «бодро-весело» поинтересовался, какие у нее отношения с командующим, — на другой день она рассказала об этом генералу.

Г-в, будучи человеком крутого нрава (это выражено в его лице на всех военных и послевоенных фотографиях), в тот же день в присутствии начальника штаба и других членов Военного Совета позвонил по «ВЧ» Сталину и сказал: «Товарищ Сталин: контрразведка опрашивает окружающих меня людей. Очевидно, возникло недоверие. Настоятельно прошу до полного выяснения дела отстранить меня от должности».

Как рассказывал нам полковник К-ин, Сталин якобы долго молчал, очевидно, переваривая столь неожиданную информацию, а затем сказал: «Товарищ Г-в, спасибо, что позвонили. Мы довольны вашей работой и полностью вам доверяем. А те люди, кто имеет иное мнение, понесут заслуженное наказание». На другой день полковник, начальник отдела контрразведки армии был отстранен от занимаемой должности, а капитан, «побеседовавший» с массажисткой, был уволен из органов контрразведки и направлен на передовую командиром стрелкового взвода.

Сталин материализовал высказанное им доверие — спустя неделю Г-ву было присвоено звание генерал-полковника.

Генералу Кобрисову не требовалось обращаться в Москву. Ему достаточно было — будь он не морально опущенным, а полноценным генералом — при первом же появлении Светлоокова позвонить начальнику отдела контрразведки армии и сказать: «Ваш офицер, майор Светлооков, обнаглев и распоясавшись, позволил себе явиться на заседание Военного Совета армии. Вы сами поставите ему мозги на место, или мне сообщить выше?..» После этого из Светлоокова в лучшем случае сделали бы котлету. По той простой причине, что положение о Военных Советах было разработано и утверждено Сталиным и там был определен и строго ограничен перечень лиц, входивших в состав Военного Совета: командующий, его первый заместитель, член Военного Совета (политработник), начальник штаба, командующий артиллерией и заместитель командующего по тылу — все это в войну были генеральские должности. Остальные лица могли попадать на заседание, если требовалось их присутствие, только по разовому приглашению командующего, переданному секретарем Военного Совета.

В отличие от нынешних бесчисленных президентских указов, которые не читают и не выполняют не только граждане, но и чиновники, документы, подписанные Сталиным, имели в войну силу беспрекословного железного закона и в случае нарушения или невыполнения, как тогда говорилось: «Прими меж глаз девять грамм и не кашляй!». В различных органах, как их ни называй — карательными или правоохранительными, — было немало карьеристов и откровенных мерзавцев, но все они хотели жить, и каждый из них знал свое место, «размер

своего сапога», и знал, что не только майоров, но и генералов и даже наркомов из этих самых органов расстреливали с такой же легкостью, как и армейских генералов.

Какую же тайну с участием стольких людей выведывает Светлооков?..

Оказывается, он доискивается, собирается ли генерал Кобрисов брать город Мырятин. Но тут не надо ничего выведывать: в описываемой Г. Владимовым стратегической операции — битве за Днепр — участвовало двадцать девять только общевойсковых армий, они действовали по единому общему плану, и, брать город или не брать, определялось не командующим армией, а Ставкой. В войну это знали даже штабные писари, почему это неизвестно всемогущему в изображении Г. Владимова смершевцу и адъютанту командующего, автор не объясняет.

Второе задание Светлоокова еще несуразнее: он дает адъютанту чистую карту и предлагает тайком переносить на нее все пометки с карты командующего армией, предупредив, что разговор «смертельно секретный» и «в случае чего» карту надо съесть. В первый момент мелькает предположение, что Светлооков работает на немецкую разведку, но потом утверждается в мысли о его умственном помешательстве: стоило адъютанту заявить и показать эту карту, и Светлооков, по законам военного времени, заплатил бы за это даже не должностью, а жизнью.

При изображении Отечественной войны в литературе крайне важен «воздух», атмосфера времени, а она менялась. Если в 1941 году в период отступления и чудовищных поражений военачальники и командиры были для Сталина изменниками и трусами, то осенью 1943 года, когда Красная Армия успешно наступала на тысячекилометровом фронте, они уже были победителями. Эта перемена явно обозначилась после 24 июля, когда в Указе Верховного Совета СССР впервые возникло словосочетание «офицерский состав», в августе началось более широкое награждение военнослужащих и всяческое выделение и стремление приподнять офицеров, а тем более генералов.

Г. Владимову невдомек, что армия — это сложный жесткий организм с четко, ригидно определенными функциями, правами и обязанностями каждого, и потому, к примеру, не только командующий, но и командир полка — подполковник или майор — понес бы матом предложившего ему исполнить обязанности цензора, что, однако, безропотно делает в романе Кобрисов.

Писателю невдомек, что и в 1943-м, и в 1945-м для командующего армией или члена Военного Совета майор из «Смерша» был мелкой сошкой, он не имел даже права обращения к генералам, это являлось прерогативой начальника отдела контрразведки армии (штатно-должностная категория «полковник — генерал-майор»), по одному тому появление Светлоокова на заседаниях Военного Совета и унижение им там пяти или шести генералов — это эпизод не из реалистического романа, а сценка из театра абсурда.

Я далек от мысли идеализировать советский генералитет, разные это были люди, и функционировали они так же, как, впрочем, и Г. Гудериан, в системе, основанной на страхе и принуждении. Однако только по незнанию или умышленно их можно изображать такими примитивными недоумками, какими они выглядят в романе Владимова, и такими униженными, опущенными, как бедолага Кобрисов, и, главное, выиграла войну все же они, а не апологетируемые писателем «гений и душа блицкрига» Гудериан и бросивший в трудную минуту свою армию Власов.

Я далек от идеализации войны на любом уровне и в любой период, победа досталась поистине чудовищной ценой, огромной, небывалой кровью, однако, когда мне говорят, что мы воевали не так и делали совсем не то, я никогда не оправдываюсь и объясняю: «Мы были такими, какими были, но других не было».

Когда пишешь или даже упоминаешь о цене победы, о десятках миллионов погибших, ни на секунду не следует забывать, что все они утратили свои жизни не по желанию, не по пьянке, не в криминальных разборках или при разделе собственности и не в смертельных схватках

за амдоллары и драгметаллы, — они утратили свои жизни, защищая Отечество, и называть их «пушечным мясом», «овечьим стадом», «быдлом» или «сталинскими зомби» непотребно, кощунственно.

* * *

С Отечественной войной — величайшей трагедией в истории России — необходимо всегда быть только на «вы».

В своих выступлениях в печати и по радио Г. Владимов в подтверждение своей компетенции о Второй мировой войне охотно перечисляет изданные на Западе книги бывших власовцев и нескольких немцев. Однако для создания реалистического произведения об Отечественной войне, точнее, о Красной Армии все же совершенно необходимы советские источники и прежде всего доступные в последние годы архивные военные документы 1941-1945 годов — они бы уберегли писателя от многих ляпов, несуразностей и, главное, от абсурдных эпизодов и ситуаций.

То, что Светлооков попал в контрразведку и фантастическое получение им — в течение двух месяцев! — трех офицерских званий, писатель объясняет тем, что «весной стали организовываться в армиях отделы Смерша», «любителей не много нашлось», мол, создавалась новая организация и было полно вакансий, а желающих не оказалось.

Если бы Г. Владимов заглянул в первоисточники, конкретнее, в рассекреченное более четверти века тому назад постановление СНК СССР (№ 415-138 ее от 18.04.43), он бы там прочел: «1. Управление Особых отделов НКВД СССР изъять из ведения НКВД СССР и передать в Народный Комиссариат Обороны», то есть ничего заново не организовывалось, просто взяли и передали всех особистов в другой наркомат, изменив название организации, и потому никаких вакансий и возможности сказочного получения Светлооковым трех офицерских званий в реальной жизни не было и не могло быть.

Если бы писатель прочел все семь пунктов этого подписанного Сталиным и определявшего от и до все задачи органов «Смерш» постановления, он бы обнаружил, что ни в одной строчке нет и слова о контроле контрразведки за боевой деятельностью войск, и по одному тому десятки страниц с изображением ожесточенной возни на эту тему Светлоокова являются всего лишь нелепым сочинительством. А ведь в этой возне, выдаваемой за деятельность контрразведки, Светлооков постоянно напрягает многих людей; хотя бы женщин пожалел, и прежде всего «телефонистку» с «аппарата “Бодо”» Зоечку и «старшую машинистку трибунала» Калмыкову («нечто грудастое, рыхлое»).

Вообще-то аппарат «Бодо» до романа Владимова с конца прошлого века во всех странах, в том числе и в России, являлся исключительно телеграфным буквопечатающим аппаратом, и работали на нем, естественно, не телефонистки, а телеграфистки, однако это уже, возможно, «новое видение» и «новое осмысление» не только «далекой войны», но и техники связи.

И должности такой «старшая машинистка» или даже просто машинистка ни в армейских, ни в дивизионных трибуналах, как свидетельствуют доступные каждому штаты военного времени, не существовало, и то, что автор безапелляционно именуется «Управлением резервов Генштаба», в жизни называлось Главупраформом Наркомата обороны, и Кобрисову никак не могли в декабре 1941 года выделить два гектара земли в Апрелевке, и главная несуразица тут даже не в том, что постановление ГКО о выделении генералам до одного гектара земли появилось только 28 июня 1944 года, а участки стали нарезать лишь в 1945 году, главная несуразица в том, что в описываемые дни всего в двадцати километрах от Апрелевки шли ожесточенные кровопролитные бои и суета относительно дачных участков никому и в голову не могла прийти.

Писатель не знает, не понимает и не чувствует обстановки, атмосферы и напряженности тех недель битвы под Москвой и в очередной раз опускается до сочинительства. Хотя бы о части

подобных нелепостей здесь необходимо сказать, потому что и автор, и критики хором самоупоенно пели и поют о «реализме», «реалистическом изображении», о «точности» деталей и «достовверном изображении войны», чего, к сожалению, нет в романе ни в одной главе. Чем объяснить, что и редакция, и рецензенты не заметили даже логических несуразиц и ляпов, — они что, читали роман через страницу или через две?.. Позволю высказать предположение, что это всего лишь выраженный синдром тусовочного, экстатического, стадного мышления.

О Власове Г. Владимов пишет: «Человеку с таким лицом можно было довериться безоглядно»

Как это ни удивительно, безоглядно доверились генералу-перебежчику и гитлеровскому военачальнику Гудериану не только члены петербургской крайней фашистской организации, где, судя по фотоматериалам, Гудериан и Власов в почете и обожествлении, занимая на парадном стенде соответственно шестое и одиннадцатое места после фюрера (на втором — покровитель Власова рейхсфюрер СС Г. Гиммлер), безоглядно доверились Гудериану и Власову дамы и господа из демократических изданий. Такое неожиданное духовное единение Г. Владимова и тусовочных литературных критиков с гитлеровскими последышами.

Когда я читал рецензии и слушал радиопередачи с восторгами по поводу «немецкого танкового гения» Гудериана и «спасителя Москвы» Власова, я всякий раз думал — кто эти апологеты?..

Неужели на полях войны от Волги до Эльбы у них никто не остался?..

Они что, инопланетяне или — без памяти?..

Впрочем, как нам уже разъяснили, восславление нацистского военного преступника, виновного в истреблении более полумиллиона советских и польских граждан, и восславление генерала-перебежчика, в трудную минуту бросившего в окружении свою армию, и одновременное при этом уничтожение многих миллионов мертвых и живых участников войны сегодня в нашем несчастном горемычном Отечестве именуется «просвещенным патриотизмом».

Мой знакомый, доктор технических наук, делавший войну с весны 42-го по апрель 45-го командиром взвода, а затем и роты в танковой бригаде и потерявший на Зееловских высотах ногу, прочитав роман Г. Владимова и несколько рецензий на это сочинение и послушав радио, сказал:

— Это даже хорошо, что мы не доживем до 60-летия Победы. Если они сегодня с радостью впустили в свои сердца и приняли за освободителей России Власова и Гудериана, а нас держат за зомбированных полудурков, помешавших этому освобождению, то к 60-летию Победы они наверняка водрузят на божницы и портреты главного освободителя России — Адольфа Гитлера. И всласть попляшут на братских могилах, и для каждой приготовят по бочонку фекалий.

* * *

Есть в статье Владимова и другие моменты, которые невозможно оставить без внимания.

Касаясь боя Красной Армии с частями 600-й дивизии РОА в районе Фюрстенвальде 13 апреля 1945 года, писатель не верит, что власовцы «отступили в беспорядке, оставив на поле боя убитых, раненых, оружие и амуницию». Он не верит здесь даже «немецким штабным документам».

Он пишет:

«Боя не получилось. Солдаты с обеих сторон перекрикивались, обменивались информацией о житье-бытье. Были и перебежчики — в ту и другую стороны, что значит — не было перестрелки. Чуткий наблюдатель мог бы отметить, что на чужой территории соотечественники относятся к власовцам уже иначе, нежели на своей».

Трогательная картина братания с разговорами о житье-бытье и даже перебежчиками «в ту и другую стороны». Как же это было в жизни, а не в сочинительстве?

Я был в 1945 году «на чужой территории» — в Германии и должен засвидетельствовать, что если немцев, в том числе и эсэсовцев, определяемых по вытатуированной под мышкой группе крови, как правило, брали в плен (количество пленных было показателем боевой деятельности частей и соединений), то власовцев, если их не успевали защитить как носителей информации, чаще всего подвергали «внесудебной расправе». Трагической оказывалась судьба даже тех, кого всего лишь принимали за военнослужащих РОА. Чтобы не быть голословным, приведу факты и свидетельства весьма неожиданного характера.

12-14 января 1945 года перешли в наступление 1-й Украинский, 1-й и 2-й Белорусские фронты, в связи с чем десяткам агентурных разведчиков по радио была дана команда выходить из немецкого тыла навстречу нашим войскам.

Одновременно в секретном порядке были проинструктированы офицеры разведподразделений, а также пээнша-два в полках, дивизиях и корпусах и уполномоченные контрразведки в частях. В частности, предлагалось:

«Вышедших разведчиков обеспечить хорошим питанием, а в случае необходимости медицинской помощью и одеждой. Отбирать у них личные вещи, документы, вооружение и радиостанции категорически воспрещается».

Выход разведчиков начался 16 января, то, что последовало дальше, воспринимается как нелепый и страшный сон. Вот как это изложено в директивной шифровке, которая доводилась командирам соединений 2-го Белорусского фронта спустя десять суток. 27 января, за подписями маршала К. Рокоссовского и начальника штаба фронта генерала А. Боголюбова:

«С успешным продвижением наших войск на запад из тыла противника выходят и встречаются наши войска агентурные разведчики разведотдела штаба фронта, которые по 5-6 месяцев находились в глубоком тылу врага в исключительно тяжелых условиях, не щадя своей жизни, выполняли поставленные перед ними задачи.

Вместо того чтобы этих людей по-человечески принять и направить: 19.01.45 г. в Млаве навстречу бойцам 717 стр. полка 137 стр. дивизии вышел командир агентурной группы инженер-капитан Ч-ов и просил направить его в разведотдел штаба фронта, просьбу товарища Ч-ва не выполнили, а его самого зверски убили.

18.01.45 г. в районе Цеханув навстречу бойцам 66-й мехбригады вышла агентурная группа во главе с командиром лейтенантом Г-ым. Группа была доставлена командиру 66-й мехбригады подполковнику Л-о, который не разобрался в существе дела, назвал представленных разведчиков «власовцами» и приказал расстрелять.

Только случайность спасла жизнь разведчиков».

В конце директивы предлагалось: «Прокурору фронта расследовать факты убийства».

О статье Г. Владимова в журнале «Знамя» я услышал впервые по радио.

Молодая, судя по голосу, журналистка с восторгом говорила про идею писателя о том, что в 1944 году советским войскам, дойдя до государственной границы, следовало бы остановиться. Восторгаясь, она не заметила, а Г. Владимов в статье упустил, что в том же абзаце, всего тремя фразами выше, он писал, что, оставив союзников на Западе за «демаркационной линией», надо было дать германской армии и РОА «оперативный простор» «для войны уже на одном лишь фронте» — против России. Получается, что советские войска, дойдя до государственной границы, должны были остановиться, чтобы дать немецкому вермахту, изрядно потрепанному в летних боях и отброшенному на сотни километров к Германии, оправиться и восстановить военный потенциал.

Журналистка говорила об этом тезисе Г. Владимова с придыханием, как о «новом осмыслении далекой войны», и удивлялась «глубине мышления» писателя. Она молоденькая, и ей простительно, а я-то гожусь ей, наверное, не только в отцы, но и в дедушки, однако память меня, слава Богу, еще не подводит, и тотчас я уловил знакомый мотив.

Через несколько минут я уже держал в руках ксерокопии двух немецких листовок августа 44-го года:

«Офицеры и солдаты Красной Армии!..

Сталин обещал вам мир и Германских границ.

Но, несмотря на это, профессионал-обманщик хочет вас гнать на убой против Германии» и «Бойцы и командиры!.. Имеет ли для вас смысл продолжать наступление?..

Знаете ли вы, как подло обманывает вас Сталин, обещая остановиться на бывших границах СССР»

Вообще-то Сталин никогда никому не обещал остановиться на границах, но это обычная пропагандистская передержка, рассчитанная на «подрыв боевого духа» и «разложение войск противника». Впрочем, далее в текстах обеих листовок, основной тезис которых спустя пятьдесят лет ретранслирует Г. Владимов, содержатся и угрозы: «Германия готовится к контрудару. Покончите раз навсегда с войной, ибо вы иначе не увидите своих родных». И более того — «Только смерть даст вам возможность остановиться!».

«Глубокое мышление» и «новое осмысление далекой войны», заимствованное из материалов гитлеровской пропаганды пятидесятилетней давности, — хоть стой, хоть падай! Говорят, что якобы в XI веке наши предки лаптем щи хлебали и тележного скрипа боялись, но ведь с той поры прошло 900 (девятьсот!) лет — обидно, что и сегодня нас держат за беспамятных недоумков.

Г. Владимов пишет: «И как ни покажется странным российскому читателю, Алоизович (Гитлер. — В. Б.) до последних дней считал Восточный фронт второстепенным».

Никаких фактов или свидетельств в доказательство этого утверждения, как и во многих других случаях, писателем не приводится, хотя оно не только российскому читателю, но и любому другому, знающему историю Второй мировой войны, должно показаться не только странным, но и абсурдным. Как мог быть для Гитлера второстепенным Восточный фронт, где Германия понесла две трети всех своих людских потерь во Второй мировой войне, потеряла 74 процента танков и 71 — самолетов? Если Восточный фронт был для Гитлера «второстепенным», почему же там в 1941-1945 годах постоянно находилось большинство немецких, замечу, наиболее боеспособных дивизий (к примеру: 22.06.41 — 70,3 процента; 1.05.42 — 76,4; 1.07.43 — 66).

«Все, что я делаю, направлено против России», — это навязчивое кредо Гитлера приводится в десятках западных, в том числе и немецких, изданий. (Впервые эта фраза зафиксирована стенографом 11.08.39 в беседе фюрера с К. Буркхардтом на вилле «Бергхов», впоследствии она повторялась многократно в Ставке среди близкого окружения Гитлера вплоть до весны 1945 года.) А вот обобщающее суждение о нашей «второстепенности» «до последних дней» известного германского исследователя Иохима К. Феста, автора считающейся на Западе, в том числе и в Германии, наиболее объективной и аргументированной трехтомной биографии Гитлера: «Начиная с зимней катастрофы (разгром немцев под Москвой. — В. Б.), когда ему впервые явился призрак поражения, Гитлер посвящает всю свою энергию — больше, чем до того, — кампании в России и все явственнее пренебрегает из-за нее всеми другими театрами военных действий».

Завоевание жизненного пространства на Востоке, а потому и Восточный фронт были главными, первостепенными для Гитлера не только до последних дней и минут — они являлись, по его убеждению, программой для немцев после его ухода из жизни и основной целью на будущее.

В последнем подписанном им перед самоубийством документе, именуемом одними историками на Западе «Политическим завещанием Гитлера», а другими — «Письмом к генерал-фельдмаршалу Кейтелю», Гитлер завещал: «Усилия и жертвы немецкого народа в этой войне были так велики, что я не могу поверить, что они могли быть напрасными. И впредь должно быть целью завоевание немецкому народу пространства на Востоке».

Все эти свидетельства и документы впервые опубликованы в Западной Германии и впоследствии приводились и перепечатывались в десятках изданий. И то, что проживающий там

Г. Владимов полностью их и многие другие тексты игнорирует, говорит о его предвзятости, тенденциозности, а также о явной недооценке «российского читателя». Такая метода (а она десятки раз применяется автором и в романе, и в статье) неправомерна и недопустима.

Как можно при создании образа увиденного от суда военного преступника генерала Гудериана более всего руководствоваться только его мемуарами, апологетически прихорашивая «железного Гейнца» и при этом отбрасывая все негативное?..

Как можно, всячески оправдывая генерала-перебежчика А. А. Власова, оценивать его и РОА по опубликованным на Западе воспоминаниям бывших власовцев и энтеэсовцев, а также по книге барда войск СС немецкого писателя Э. Двингера «Генерал Власов. Трагедия на Востоке»?..

К сожалению, сопоставление указанных выше источников с романом и статьей Г. Владимова свидетельствует именно об этом — к примеру, и мифический тезис о том, что Власов спас в 1941 году Москву, и трогательное братание советских военнослужащих с власовцами заимствованы отсюда. Если же в книге С. Фрелиха «Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным» нет восславления Власова и, более того, подчас содержатся сдержанные оценки генерала-перебежчика и его окружения, то это издание среди приводимых в статье источников, которыми, воспевая Власова и РОА, вдохновлялся Г. Владимов, даже не упоминается.

Г. Владимов не оригинален. Стремление умалить наше участие в разгроме гитлеровской Германии и суждения о нашей «второстепенности» возникли еще в конце 40-х годов, в разгар «холодной войны». В этом на Западе десятилетиями направленно упражнялись публицисты и отдельные историки, и результат очевиден: к примеру, если летом 1945-го в далекой Франции 53 процента опрошенных заявили, что Советский Союз сыграл решающую роль в победе над фашизмом, то летом 1994 года об этом сказали всего лишь 11 процентов. Если так пойдет дальше, то в недалеком будущем окажется, что во Второй мировой войне мы вообще не участвовали.

Для этого делается многое. На празднование 50-летия Победы в Америке были приглашены участники войны из многих стран — только российских не позвали.

В середине марта мне позвонили и сказали: «Американский общественный фонд «Русский дом в Вашингтоне» настолько возмущен несправедливостью, что они решили за свой счет пригласить ветеранов из России, в том числе и вас».

Я человек не публичный и отказался, однако то, что за океаном есть люди, помнящие, что в 1941-1945 годах мы не на печи лежали, — приятно, только оскорбительно, что на государственном уровне нас, систематически лишая статуса державы-победительницы, из Второй мировой войны практически выдавили.

Даже в славянских странах разрушают и оскверняют памятники погибшим советским воинам.

Известно, каких усилий стоило российским дипломатам заполучить в Москву на 9 Мая Клинтона, Коля и руководителей некоторых других государств — они согласились приехать, чтобы, как сообщалось, «поддержать президента и проводимые им реформы».

Зимой прибывшему во главе делегации на 50-летие освобождения Освенцима председателю Госдумы И. Рыбкину не дали слова, а узников из России вообще не пустили, хотя освобождали Освенцим советские войска, и при этом ушло в землю четыре сотни наших соотечественников. И Рыбкин утерся, и все промолчали.

А в прошлом году Россию не позвали на празднование 50-летия высадки союзников в Нормандии, хотя туда были приглашены главы десятков стран. Журналисты повозмущались, президент же утерся и промолчал, а если бы высунулся, то даже самые близкие друзья — Билл и Гельмут — могли ему сказать:

— Ты, Боб, даже не возникай! Тебе разве неизвестно, что в мае сорок пятого победила одна из разновидностей фашизма — сталинизм? Ты что, книг и журналов не читаешь? Ты раз-

ве не знаешь, что во Второй мировой войне вы, русские, были второстепенными?! Двадцать семь миллионов погибло?.. Так это ж не люди были, а сталинские зомби, мутанты! Неужели ты не знаешь, что они за сто граммов водки воевали?! Понимаешь, за полстакана водки ложились на амбразуру или с гранатами под танки бросались!.. Ты разве не знаешь, что господин Гитлер и господин Власов пытались освободить Россию еще полвека назад, а эти зомби им помешали?.. И неудивительно, что у вас полмиллиона пятьдесят лет валяются незахороненными, — ничего другого они и не заслужили! И ты, Боб, не возникай! Что касается кредитов, то если будете себя хорошо вести — отстегнем! А вот насчет статуса державы-победительницы и уважения, извини-подвинься — каждый должен знать свое место!..

Я понимаю антисоветизм и антикоммунизм Г. Владимова — для этого у него достаточно оснований. Я искренне ему сочувствую, как человеку после многих притеснений выдавленному из России, и то, что перед ним как перед пострадавшим от репрессалий до сих пор не извинились и не вернули утраченную в Москве квартиру, аморально и противоправно. Однако как автор романа и статьи, крайне предвзято и, более того, злокачественно изображающий и трактующий советских людей — именно людей, а не систему! — и Отечественную войну, о которой он имеет, к сожалению, отдаленное и весьма искаженное представление, как писатель, апологетирующий военного преступника Г. Гудериана и генерала-перебежчика А. А. Власова и при этом в упор игнорирующий исторические факты и свидетельства (даже если они содержатся в западных «чистых» источниках), в упор игнорирующий любую информацию, опровергающую его умозрительные облыжные построения, заимствованные из книг бывших власовцев и энтеэсовцев, он поступает столь же аморально и противоправно по отношению к десяткам миллионов живых и мертвых участников войны и, более того, — к России.

Антисоветизм В. Максимова и А. Солженицына отличается от антисоветизма Г. Владимова тем, что если у двух первых объектом неприятия и ненависти является режим, тоталитарная система и ее функционеры, исполнители, несущие и насаждающие зло, то Г. Владимов в своем романе с неприязнью и ненавистью относится даже к упоминаемым мельком рядовым советским солдатам — стыдно здесь повторять оскорбительные словосочетания-подлянки, в шести местах брошенные им походя в адрес людей, две трети из которых отдали жизни в боях за Отечество.

В своих интервью писатель настойчиво аттестует себя реалистом, однако реализм предполагает объективность изображения и верность жизненным реалиям, а не идеологическую тенденциозность и основанное на ней беззастенчивое сочинительство. Именно поэтому роман «Генерал и его армия» неправомерно выдавать за «новое видение» или «новое осмысление» войны — это всего лишь новая — для России! — мифология, а точнее, фальсификация, цель которой — умаление нашего участия во Второй мировой войне, реабилитация и, более того, восславление — в лице «набожно-гуманного» Гудериана — кровавого гитлеровского вермахта и его пособника генерала Власова, новая мифология с нелепо-уничижительным изображением советских военнослужащих, в том числе и главного персонажа, морально опущенного автором генерала Кобрисова.

О гамбургской колбаске, языке жестов и отходах истории

В последние годы в процессе изничтожения «проклятого тоталитарного прошлого», очерняя по указанию сверху и по собственной угодливой инициативе Отечественную войну и ее участников, молодежи прививали убеждение, что если бы их деды и отцы проиграли войну, то в России бы сегодня жили по «евростандартам», как в Германии или Франции.

Недавно внук моего знакомого, инвалида войны, неглупый, начитанный девятнадцатилетний юноша, всерьез убеждал меня и своего деда, что если бы мы проиграли немцам войну, то он бы сегодня на студенческую «стипуху» «выпивал бы в день пять банок пива и закусывал бы гамбургской колбаской». Как это ни удивительно, подобные же бредовые иллюзии сегодня

ня публично высказывают и дважды, и трижды совершеннолетние люди. Давайте, наконец, вспомним — что же светило бы России и русскому народу, если бы в той войне победила Германия?..

Чтобы не быть голословным, обращаюсь к первоисточникам: «Застольные разговоры Гитлера», записи личных стенографов фюрера — Г. Гейма и Г. Пикера; впервые опубликованы в 1951 году в ФРГ; цитируется по изданию, выпущенному в Смоленске фирмой «Русич» в 1993 году.

Итак, слово фюреру. 19 февраля 1942-го, ночь, «Вольфшанце»:

«Русские живут недолго, 50-60 лет. Почему мы должны делать им прививки? Действительно, нужно применить силу в отношении наших юристов и врачей: запретить им делать этим туземцам прививки и заставлять их мыться. Зато дать им шнапсу и табаку, сколько пожелают» (стр. 82).

Запись начала марта 1942-го, полдень, «Вольфшанце»:

«Мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Самое лучшее было бы, если бы люди там освоили только язык жестов. По радио для общины передавали бы то, что ей полезно: музыку в неограниченном количестве.

Только к умственной работе приучать их не следует и не допускать никаких печатных изданий» (стр. 96).

Эти основополагающие высказывания Гитлера можно дополнить цитатой из меморандума рейхсфюрера СС Гимmlера «Об обращении с инородцами на Востоке»:

«Для не немецкого населения Востока не должно быть обучения выше, чем четырех-классная народная школа. В этой народной школе должны учить лишь простому счету до пятисот, написанию своего имени и тому, что Господь Бог требует слушаться немцев и быть честным, прилежным и порядочным. Умение читать я считаю излишним. Никаких других школ на Востоке вообще не должно быть».

Поскольку Гитлер «самым лучшим образованием» определил для «туземцев» — так он называл русских — освоение «языка жестов», что не соответствовало предложенному Гимmlером обучению «счету до пятисот», тот вносит коррективу и, выступая в сентябре 1942 года в районе Житомира перед высшими руководителями СС и полиции на юге СССР, заявляет:

«Принципиальная линия для нас абсолютно ясна — этому народу не надо давать культуру. Я хочу повторить здесь слово в слово то, что сказал мне фюрер.

Вполне достаточно, во-первых, чтобы дети в школах запомнили дорожные знаки и не бросались под машины; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию.

Больше им ничего не надо».

Это не параноидальный бред больных в психиатрической больнице, это директивные безапелляционные высказывания людей, захвативших силой и подмявших под нацистскую свастику, кроме Германии, еще одиннадцать государств Европы и оккупировавших к этому времени (сентябрь 1942 года) советскую территорию от Бреста до Волги и Эльбруса, территорию с населением около 70 миллионов человек.

Специально для выбороссовской радиосоловьихи, сладко певшей однажды, как чудненько жилось бы в России, если бы во время войны генерал Власов вместе с немцами освободил бы Россию, и насколько бы облегчилась тогда жизнь русских женщин, позволю себе процитировать всего лишь одну фразу из выступления того же Гимmlера в 1943 году в Познани перед гауляйтерами и высшими руководителями СС:

«Погибнут или нет от истощения при создании противотанкового рва десять тысяч русских баб, интересует меня лишь в том отношении, готовы ли будут для Германии противотанковые рвы».

Подобных высказываний главарей Третьего Рейха — Гитлера, Геринга, Геббельса, Гимmlера и Розенберга — зафиксировано в стенограммах и других немецких документах сотни.

Может, вместо того чтобы инициировать, спонсировать и впрямую финансировать очернение в книгах и периодике (в том числе и путем подлогов, фальсификации и клеветнических измышлений) величайшей в нашей истории трагедии — Отечественной войны — и тем самым способствовать очернению десятков миллионов ее участников — живых и мертвых предков сегодняшних россиян, — вместо того чтобы топтать сотни тысяч могил и унижать и оскорблять еще не успевших уйти из жизни ветеранов, следовало бы выпустить сборники подлинных документов гитлеровской Германии, свидетельствующих о том, что светило России и ее населению, если бы немцы выиграли войну?

Может быть, тогда меньше юнцов тянулось бы в молодежные нацистские организации и гитлеровская символика для многих потеряла бы привлекательность?

Может, тогда миллионы современных молодых людей осознали бы, какая «гамбургская колбаска» и какие «пять банок пива в день» предназначались им, если бы мы проиграли войну, и сообразили, что в «четырехклассной народной школе» «стипухи» бы не полагалось, хотя выбор образования все же имелся бы: от освоения «языка жестов» до обучения — по высшему разряду — знанию дорожных знаков, счету до 25 и написанию своей фамилии.

Несомненно, в современной школе следует доводить до сознания каждого подростка, что целью Гитлера и Германии в той далекой войне было не мифическое «освобождение России от большевизма», как по сей день утверждают бывшие власовцы, энтеэсовцы и некоторые выбороссы, а установление «немецкого мирового господства на века» (А. Гитлер) и прежде всего присоединение огромной территории на Востоке с обязательным уничтожением 30-40 миллионов человек (слабосильных, евреев, цыган и неблагонадежных), с переселением 60-70 миллионов советских людей в Сибирь и Среднюю Азию и оставлением 20-30 миллионов в качестве рабов для немцев, призванных колонизировать Украину, Белоруссию и Русскую равнину до Урала.

Может, если бы россияне, как молодые, так и люди среднего поколения, осознали, от чего в 1941-1945 годах спасли Россию и уберегли ныне живущие поколения эти старые — отходы истории! — опущенные сегодня в нищету, унижения и полное бесправие участники войны, они бы не называли их «доходягами», что стало в последнее время нормой, и не говорили бы им в лицо, как теперь слышится нередко: «Хоть бы скорее вы все передохли!..»